

Айд Мус

ТАЛАХАЯ

Айд Мус

Талахая

«Издательские решения»

Мус А.

Талахая / А. Мус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935526-3

Если вы спросите у бродяги, что его вдохновляет и заставляет жить словно птица, он с уверенностью ответит, что это — дорога... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-935526-3

© Мус А.

© Издательские решения

Содержание

По дороге никуда...	6
Голоса природы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Талахая

Айд Мус

© Айд Мус, 2019

ISBN 978-5-4493-5526-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По дороге никуда...

Мои попытки поймать машину оказались безуспешны. Я целый час простоял под палящим солнцем в надежде, что меня подбросит хоть кто-нибудь. Мимо проехали, наверное, тысячи машин, и в итоге, мне пришлось преодолеть пешком километров десять до ближайшей автостанции. Добрался я поздно, и станция была уже закрыта.

Я сел на лавочку освещенную одиноким фонарем, и ни о чем не думая растворился в прохладном вечере. Чистое звездное небо и звуки сверчков наполнили вечер великолепием. Я настолько устал, что был готов заснуть прямо на лавочке. Но прилечь мне не удалось, поскольку рядом со мной, словно ниоткуда, возник незнакомец. Он пристально смотрел мне в глаза и моргал.

– Тебе куда? – Вдруг спросил он. Мне показалось, что он обычный таксист, хотя выглядел он немного придурковато.

– Да, я еще не решил... – Неуверенно пробубнил я.

– Я это сразу понял. Ты не выглядишь как турист. Ты, походу, авантюрист.

Понять, что я не обычный турист было нетрудно, поскольку рядом со мной стоял огромный рюкзак, на котором висела палатка, каремат и спальник.

– Нет. – Почему-то возразил я – Я обычный парень.

– Да не бойся ты. – Сказал он, хлопнув меня по плечу – Я просто присел отдохнуть. С автостопом в этих местах трудновато.

Он будто с неким разочарованием вздохнул, и добавил: «Разучились люди доверять».

– Это да. Я сегодня часа два простоял на жаре, пытаюсь поймать тачку.

– А как тебя вообще сюда занесло?

– Отпуск. – Заявил я – Пытаюсь вот, путешествовать.

– А почему ты не проводишь отпуск как «нормальные» люди? – Он иронично произнес слово «нормальный», сжимая пальцы на ладонях – Ну, я имею в виду, отель не снял и не ходишь от номера к берегу моря? Шведский стол и прочая хрень.

– Это скучно. Я не могу проводить больше трех дней на одном месте, поэтому и разъезжаю часто. Я птица, которая любит летать, а не вить гнезда.

Он улыбнулся.

– Талахая. – Дружелюбно произнес он, протянув мне руку. Я представился в ответ и пожал его теплую и крепкую ладонь.

– Что это вообще такое? – Спросил я – Это имя или прозвище?

– Так называла меня моя Мария. Моя девочка.

– Жена?

– Больше. Любовь всей моей жизни.

Талахая не был похож на какого-то сентиментального влюбленного мальчишку. Он казался мне грубоватым и веселым мужиком. Он выглядел лет на тридцать пять, одет был в голубую рубашку с коротким рукавом, на которой были изображены какие-то древнеегипетские иероглифы и тутанхамоны, а еще он очень часто улыбался. Он посмотрел на дорогу, по которой изредка проезжали машины и заполненные туристами, междугородние автобусы, а затем повернулся ко мне и спросил: «Как думаешь, у нас есть шансы уехать отсюда?».

– Ну не знаю. – Сомневался я. – Места здесь, кажется, не особо приветливые. Я сегодня так и не смог поймать тачку.

– Это вообще возможно?! – Удивился он, а затем встал, и уверенно подойдя к дороге начал голосовать. Вспомнив двух парней, которые предупреждали меня о том, что в здешних краях трудности с автостопом, я смотрел на него, ожидая разочарования. Я прилег на лавку и наблюдал. Спустя минут пять на дороге показались блики фар.

- Смотри. – Уверенно сказал он – Сейчас мы отсюда уедем. Ты со мной парень?
- Да, с тобой. Думаю, мы до утра здесь проторчим.

Не успел я договорить, как прямо перед ним остановился белый внедорожник. Из кабины послышался женский голос. Он подошел к окну сказал что-то, после чего из машины раздался громкий женский смех. А затем развернулся и, махнув мне рукой, прокричал: «Ну что юный друг, ты едешь?». Тогда мне показалось это чудом, что первая машина, которой он протянул руку, остановилась, и без капли сомнений я вместе с ним сел на заднее сиденье.

За рулем сидела дама (я не могу назвать ее женщиной, уж настолько она показалась мне прекрасной) лет сорока, ее кожа отдавала изящным блеском, а русые кудри колыхались, когда она поворачивала голову, чтобы на меня взглянуть. Рядом сидела ее совершеннолетняя дочь, она меня так не зацепила, как ее мамка, которая мне мило улыбалась в зеркало заднего вида.

- Ну что, куда путь держим? – Спросила мамка нежным голосом.

– Скитаемся. – Заявил Талахая – Словно птица, раскинув крылья, мы летим, разрывая собой воздух, мы пробиваем себе путь в пространстве.

- Вы что, поэт? – Обернувшись к нам, спросила дочка.

Талахая приблизился к ней и заявил: «Разве я похож на придурка?». Юная особа смутилась от слов, показавшихся ей слегка грубыми, а вот ее мамка улыбнулась.

– Вам не нравится поэзия? – Спросила она – А я всегда считала, что путешественники, люди романтичные.

– Скитания наша романтика, свежий воздух, распахнутые крылья и бесконечная свобода. А слова, сложенные в рифмы нужны хлюпикам и придуркам.

– Ну не знаю. Когда я училась в университете, один мой сокурсник был в меня влюблен и писал мне стихи. Мне это очень даже льстило.

– Но он так и не стал обладателем такой прекрасной девушки, как вы. – Твердо заявил Талахая. – Вы его не выбрали, потому что сочли слабым.

Он говорил так, словно знал все на свете. Делал выводы, вовсе не ожидая, что с ним начнут спорить. Улыбка с лица дамы вдруг исчезла. Она была удивлена.

– Скажем так, я не успела его выбрать. Мы окончили университет и больше с ним не виделись.

Талахая ничего не ответил ей, просто увел взгляд за окно. Я решил обстановку слегка подогреть и шутливо спросил: «А вам не страшно подбирать незнакомцев поздно ночью на дороге?»

Мадам вновь улыбнулась, посмотрев в зеркало, и сказала: «Трудно проехать мимо такого мужчины». А ее дочка добавила: «А вам не страшно ходить не понятно где, и садиться к незнакомцам в машины?»

– Я, честно говоря, иногда побаиваюсь. – Признался я – Но мой авантюризм сильнее страха. В этом деле главное настрой. Если сильно бояться, то можно вообще не путешествовать, купить путевку у туроператора и матрасничать где-нибудь в безопасном отеле. Но в таком месте трудно найти приключения.

- Это так интересно. А можете рассказать, о своих приключениях?

Я задумался и вдруг понял, что за последнее время со мной произошло лишь то, что я несколько часов простоял под жарой, но после недолгих раздумий решил сказать: «Да, ничего особенного на ум не приходит. Недавно вот пытался уехать из одного города в другой, а оказался на грязевых источниках».

- А как так получилось? – Спросила дочка.

– Ну, я стоял на дороге и встретил мужика, который пытался добраться до этих источников, а я решил сменить свои планы и составил ему компанию.

- Это так спонтанно. А куда вы направляетесь сейчас?

- Как обычно, никуда.

Позже я заснул. Глаза открыл ранним утром, когда было еще темно. Талахая попросил остановить, сказав: «Мне нужно оставить частицу себя в этих прекрасных местах». Я решил остаться на дороге. Поскольку море было неподалеку, и близился рассвет, мне на ум пришла идея встретить его на берегу. Мы оба вышли на повороте, чтобы не смущать девчонок. Хотя они и настаивали на том, чтобы мы прокатились с ними еще, мы все же ушли.

Талахая пошел за мной. Я его не боялся, да и вообще, мне всегда казалось, что на дороге редко можно встретить кого-то опасного. Люди с большими рюкзаками за спинами, встречавшиеся на моем пути, оказывались теми, кому я без труда мог довериться. Однажды я встретил молодую пару. Мы были незнакомы, но когда увидели, что за нашими спинами висят и наши жилища и наша пища, мы подобно старым знакомым поздоровались и побеседовали. Мне казалось, что мы представители некоего братства, не провозглашенного и не признанного братства бродяг. В моих скитаниях мне встречались абсолютно незнакомые люди, которые брали меня с собой в горы, а когда мне становилось холодно в сырых гротах, любезно давали мне свою запасную одежду. Порой, мне даже расставаться с ними было тяжело.

Иногда, разговаривая со мной, Талахая просто замолкал посреди фразы и больше не произносил ни слова. Но даже обрывки его фраз проливали истину. Таким образом, он однажды пришел к внезапному выводу, сказав что-то вроде: «Люди, сбивающиеся в стаи, становятся животными». Но я на это ответил, что люди и без того животные.

В темноте я разбил палатку и развел костер у самого берега моря. Близился рассвет, и звездное покрывало уже покидало горизонт, сменяясь розоватым свечением. Поскольку Талахая шел «налегке», а точнее у него с собой не было ничего кроме небольшого пакета, в котором он хранил какие-то документы, я поделился с ним своими припасами. Я открыл консервы, которые назывались «Гречка с сарделькой», разогрел воды для чая и мы начали завтракать. Сидя на берегу моря, мы молча вкушали скромные плоды моего рюкзака и любовались восходом. Возможно, в словах это не кажется настолько прекрасным и вдохновляющим. Но когда меня обуяла свежая морская прохлада, а восход солнца озарил для меня горизонт, я ощутил неподдельное величие.

– И все-таки жизнь прекрасна – заявил я.

Талахая промолчал, продолжив, есть гречку. Но спустя несколько минут он рассмеялся. Сперва, я не понял в чем дело, но позже, в мой большой нос вторглись ароматы канализационных глубин и я вдруг понял, что мы остановились неподалеку от места, где сливали канализацию.

– Это вообще законно?! – возмутился я. Несмотря на вонь, Талахая продолжил завтракать.

– Романтика. – Чавкая, сказал он, глядя на восходящее солнце. – Дерьмовая правда.

Он усмехнулся над собственными словами, вычистил банку хлебом и положил ее в пакет, а затем спросил меня: «Чего бы тебе сейчас хотелось?»

– Уйти отсюда – ответил я, собирая палатку. – А тебе?

Вздыхая, он с неподдельной тоской заявил: «Чтобы моя Мария сейчас была рядом со мной».

– Здесь?! – Удивился я. – На пляже где сливают канализацию?

– Место, мой юный друг, не значит ничего. Помню, купил я пачку сигарет, а мне за это дали магнит с надписью «Неважно где ты, главное с кем». Так вот – это абсолютная правда. Даже самые драгоценные богатства и таинственные вселенские знания мне не нужны, лишь бы она была рядом.

– Так в чем проблема? Она тебя бросила?

Он вздохнул и сказал: «Нас разлучили обстоятельства».

– Расскажешь?

– Ну, ты же вроде мой компаньон? – Рассуждал он – Значит, я могу тебе довериться?

– Мы знакомы всего пару часов.

– А мне кажется, что целую вечность.

Я испытывал нечто подобное. Но не смог в этом признаться.

– Можешь мне не доверять, – сказал он, – но я тебе доверюсь. Сейчас я еду к ней. Но традиционным, «нормальным» способом я не могу до нее добраться, поскольку мой путь, это не просто дистанция между нами, это что-то вроде испытания.

– Что-то типа бусидо? Путь воина?

– А ты знаток. – Усмехнулся он – Но не совсем. Понимаешь, ее родители были против наших отношений, потому что в прошлом, я был не очень хорошим человеком. Поэтому мне всегда казалось, что я ущербный, неполноценный и не достойный ее. Она, правда, пыталась убедить меня в обратном. И вот теперь, когда родители увезли ее от меня, я следую за ней, словно верный пес, пытающийся бороться с собственной никчемностью.

– Ты кажешься вполне нормальным. – Сказал я, абсолютно искренне.

– Нормы эфемерны. – Твердо заявил он. – У них есть границы. А я бесформенный, как вода. Могу быть и твердым как лед и парящим как пар, и текучим как жидкость. И все это – нормально.

– А что же ты такого натворил, что они тебя считали не очень хорошим?

– Был неконтролируемым бунтарем и раздолбаем, без приоритетов и целей в жизни.

– Мне кажется, ты просто был свободным.

Талахая улыбнулся и сказал: «Моя свобода была настолько безгранична, что я позволял себе наркоманить»

– Героин что ли?

– Нет. Трава, таблетки, порошок, всякая синтетическая хрень.

– Ой – махнул я рукой – тоже мне наркотики. Ты знаешь, что люди, которые пьют спиртное, тоже наркоманы, потому что спирт это наркотическое средство, самое опасное в мире, кстати. Я тоже травку смолил и соль пробовал (с целью научного эксперимента, разумеется), но я же не стал наркоманом.

– Мы можем это понять, а они нет.

Я собрал мусор в пакет, уложил палатку, и перед тем как двинуться в путь спросил у него: «А ты вообще, в какую сторону планируешь направиться?». Он молча указал на дорогу, выходящую над побережьем. Мой примерный маршрут, который мог измениться в любой момент, совпал с его, и мы двинули вместе. Мне казалось, что Талахая очередной попутчик, встретившийся на моем пути и который должен был остаться в моей памяти как те, кого встречал я прежде.

Несмотря на то, что Талахая намеревался двинуться в сторону дороги, мы пошли вдоль берега. Солнце уже взошло, осветив морскую гладь, его ранние лучи нежно устилались на скалистом покрове. Мы перебирались по камням. Спрыгивая с высоты, я ощущал, как под тяжестью рюкзака я приседаю. Держа в руках лишь маленький пакет с документами, Талахая, уподобившись обезьяне, ловко перепрыгивал с камня на камень.

К полудню мы добрались до живописной бухты, где нам повстречались обнаженные бродяги. Правда, не все они были нагими. Один престарелый мужичок, облаченный в какую-то мантию, невероятно бирюзового цвета, сидел, скрестив под собой ноги, и ладонями ударял в бонго. Рядом с ним в изящном танце кружились две милейшие особы, юная девочка и, вполне себе зрелая девушка обнаженная топлес. На их запястьях были надеты какие-то браслеты издававшие звуки, словно погремушки. Кожа зрелой девушки сияла бронзовым восторгом. Стоило моему единственному зрячему глазу устремиться на ее грудь, как на моем лице растянулась безумная улыбка. Увидев меня, она вовсе не засмушалась, напротив, улыбнулась так мило и таинственно, словно ее улыбка скрывала за собой все тайны мироздания. Но меня привлекла

отнюдь не улыбка. Ритмичные удары старика даже меня провоцировали на пляс, а девушка продолжала соблазнительно извиваться в танце.

За несколько часов скитаний я вымотался и решил искупаться в море. Талахая настоял на том, чтобы мы остановились неподалеку от остальных, пояснив это так: «Остановимся здесь, чтобы не оскорблять этих замечательных людей и насладиться их компанией. Но пляться на этих прекрасных особ мы не будем». Хотя он и сказал так, взгляд его настигал обнаженные, блестящие под лучами солнца тела. Находясь там, мы оба пытались держать себя в руках (не в прямом смысле этих слов, разумеется), но Талахая разок сказал довольно грязную, но в свою очередь мудрую фразу: «Иди, залезь в палатку и передерни, тебе сразу станет легче». Я в этом не нуждался, я не был одним из тех, кто приходит на дикие пляжи и подглядывает там, за девицами. Мне, безусловно, было приятно на них смотреть, но я уважал чужую свободу.

– Это прекрасно. – Твердил Талахая – Сегодня у людей есть возможность вот так просто собраться у берега моря и сбросив с себя бранные одеяния, отдаться блаженным потокам ветра. И совсем они не дикари, они смельчаки постигшие величие свободы. Настоящие дикари живут там, в бетонных коробках, среди каменных джунглей. Стоит им увидеть титьку, как они сразу же суют руку в штаны.

– Ну, я, наверное, один из них, дикарь, живущий в каменных джунглях.

– Нет. – Твердо заявил он. – Ты другой. Я это вижу. Поверь мне, я разбираюсь в людях.

Талахая разделся до трусов и прыгнул в воду. Я последовал его примеру и тоже нырнул. Позже, я лежал на теплом камне и наслаждался обжигающими лучами солнца. Талахая стоял у воды и бросал камни в море. Затем он набрал в стакан воды, и, брызнув ей мне в лицо, сказал: «Пошли, нам нужна коммуникация».

Бродяги (так я их называю) собрались вокруг плоского камня, на котором разложили еду, в основном это были фрукты. Стоило мне приблизиться к ним и начать «коммуникацию», как девушка с таинственной улыбкой, любезно предложила к ним присоединиться. Я принес с собой две банки кукурузы и одну банку ананасов, нарезанных кольцами. За столом не было ни одного обнаженного человека, поэтому я был вынужден сходить за майкой, чтобы не светить худощавым торсом. По пути к моему рюкзаку я подумал о свингерах. Собираясь компанией, они делали все голыми. Однажды я видел (присутствуя в качестве независимого «научного обозревателя», разумеется) как двое парней «работали» над одной замужней дамой, а рядом с ними сидел ее муж и беззаботно попивал коктейль и беседовал с чужой женой, обсуждая какой-то фильм. На мой взгляд, их объединяло влечение к не совсем традиционным видам сексуального досуга, бродяг же, объединяло нечто большее.

Вернувшись к «столу» я обнаружил, что никто из них не притронулся к еде. Они ждали пока один пухлый парень с длинными дредами, протрубит в импровизированный горн, сделанный из загнутой пластиковой трубы, обмотанной скотчем на конце. Звуки этого удивительного музыкального инструмента звучали как настоящий горн, не увидев его, я бы, не смог отличить от оригинала. Сидевший рядом со мной мальчишка, достал варган и начал бренчать, такт музыки подхватил старик, ударяя по бонго и дамы, которые трясли запястьями с браслетами-погремушками. В общем, ритуал по открытию трапезы превратился в целый обряд, удивительнее которого, мне прежде видеть не доводилось. Когда музыка стихла, Талахая взял в руки банку кукурузы и воскликнул: «Банзай!». Остальные посмеялись и принялись трапезничать.

На том берегу мы провели остаток дня, в компании с приветливыми и интересными людьми. Вечером я сидел на камнях, рядом девчонки пытались плести друг другу дреды, парни ныряли со скал, пытаясь раздобыть мидий, а девушка с таинственной улыбкой, на белом холсте изображала приближающийся закат солнца. Она ловко орудовала кистями и красками, полностью погрузившись в процесс.

Талахая взобрался на высокий утес и сидел там, глядя на горизонт. Я поднялся к нему, чтобы составить компанию. Молча мы просидели недолго, вскоре он сказал: «Старый говорит он пришел сюда по тайной тропе. Два дня шел. Говорит там красиво.»

– Думаешь пойти по ней?

– Да. Я не могу здесь задерживаться, моя Мария ждет меня.

– У тебя же нет припасов.

Он махнул рукой и сказал: «Что-нибудь придумаю»

– Я могу пойти с тобой. – Вполне серьезно предложил я – Я давно не ходил по тропам. Думаю, это будет интересно.

– А ты не боишься?

– Да я уже ходил по тропам.

– Это не туристическая тропинка. Старик сказал, что это вполне серьезный переход.

– Если старик справился, а ты намерился идти туда с маленьким пакетиком, то думаю, шансы остаться в живых у меня есть.

Вот так мы вместе с ним отправились преодолевать небольшой горный массив. Пусть знакомы мы были недолго, нас объединяло нутро авантюриста. Я был крайне осторожным искателем приключений (неопасных), а он верным возлюбленным, который направлялся к своей Марии. Но никто из нас не мог себе даже представить, что с нами случится...

Голоса природы

Тропа оказалась совсем не такой, какой я ее себе представлял. Я бы даже сказал, что путь мы прокладывали сами, поскольку протоптанного маршрута мы найти не смогли. На мои подозрения о том, что мы заблудились, Талахая мне ответил: «Да ты не ссы, нормально все!».

Я шел следом за ним, словно за гидом, который с абсолютной точностью знал местность, хотя, как и я, он был там впервые. Во время одного из привалов, я попросил его рассказать мне о Марии. Он отвел взгляд в сторону, а затем с уверенностью сказал: «Лишь два слова в полной мере могут описать ее великолепие. Шедевр мироздания. Если мироздание это творческий процесс, то моя Мария, безусловно, является шедевром».

– Сильное заявление. – Бормотал я, доставая из рюкзака бутылку с водой.

– Однажды, мы стояли с ней в торговом центре, а она с искренним сочувствием смотрела на женщин, которые внизу красили ногти, и как она говорила «рисовали поддельные лица».

– А она не пользуется косметикой?

Талахая помотал головой и сказал: «Она искренняя и не рисует себе масок. Она безумно красивая».

– А что тебе в ней больше всего нравится? Что зацепило?

– Интеллект, разумеется. Ты пойми, внешность она временна, это всего лишь физиологическая потребность. Красивая внешность женщины перестает быть таковой, когда ты с ней уже совокупился, утолив желание.

– А тебе понравился ее «внутренний мир»?

Талахая усмехнулся и ответил: «Это примитивная терминология. То, чем я восхищаюсь, бесконечно прекрасно. Потому что развитее разума, беспредельно. И моя Мария знает об этом. Порой она награждала меня чистым, пронизательным взглядом, а затем нежно целовала в щеку».

Я слегка сыронизировал, изобразив плач и надев рюкзак, сказал: «О, это так мило»

Талахая рассмеялся и в ответ заявил: «Ты хоть и умен, но ты глупец, не ведавший возлюбленных объятий. Я был блуждающим судном в бушующем океане, претерпевшем грозы и штормы, а моя Мария стала для меня безмятежной бухтой с лазурным берегом, где я обрел покой».

– А я еще поплаваю – ответил я и двинулся дальше.

Путь становился протяженней под тяжестью моего рюкзака. Большую часть времени мы восходили по каменистому серпантину, мне даже начало казаться, будто мы кружим, возвращаясь обратно. Всю дорогу мы молчали. Наше путешествие было живописным, но самое главное оно было безлюдным. Талахая мне нравился тем, никогда мне не надоедал, каким-то загадочным образом он был рядом, но идиллия моего одиночества оставалась нетронутой. Я никогда не был социопатом, просто иногда мне хотелось уединиться (большую часть времени, например).

Эта «тропа» и впрямь оказалась не туристической, за целый день мы не встретили ни одного человека. Ближе к вечеру меня это даже слегка смутило. Преодолев долину, мы вышли к озеру, где решили разбить лагерь. Пока я возился с палаткой, Талахая разводил огонь.

Я поначалу не решался набрать воды, сомневаясь в ее качестве, но Талахая меня одернул и показал на оленя, стоявшего на другом берегу. Тот, оглянувшись по сторонам, опустил голову к воде и начал пить, а Талахая сказал: «Если он пьет, значит и мы можем». Затем он черпнул ладонью, глотнул и добавил: «Нормально, набирай». Пока вода грелась на костре, я сидел у берега и разглядывал маленьких рыбок плавающих на мелководье. Сидя рядом со мной Талахая возмущался тем, что поблизости не плавают рыба побольше, чтобы поймать ее и съесть,

а затем выдал очередное умозаключение: «Не нужно нырять под воду, чтобы увидеть что-то новое, достаточно взглянуть на поверхность и присмотреться к своему отражению».

Я поужинал консервированным рисом с говяжьим гуляшем и отправился спать. В тот день я настолько устал, что уже поздним вечером у меня не было сил, даже для того, чтобы смотреть на звезды, хотя небо в тех местах было необычайно чистым и красивым. Вещи я оставил снаружи, чтобы в палатке смогли поместиться я и Талахая. Было довольно тесно, но мы смогли поместиться. Перед сном он сказал: «Надеюсь, эта гора станет для нас горбатой». Я хоть и усмехнулся, но после его слов положил между нами пакет с полотенцем.

Казалось бы романтика открытого неба – это так великолепно и завораживающе. Но в тот вечер, мой достаточно высокий уровень тревожности фокусировался на звуках за стенами палатки, на которые я тогда надеялся, словно на прочные стены непреступного замка. Я прислушивался к каждому шороху, ожидая, что к палатке подкрадется дикий зверь и утащит меня в лес. Урчание и завывание невиданных мне зверей, доносилось из леса. Мне начало казаться, будто в то время когда я намеревался поспать, все вокруг пробудилось ото сна. Звуки природы перестали меня волновать, когда прямо под моим ухом раздался громкий храп Талахая. Он засопел с такой силой, что казалось, распугал всех диких зверей в округе.

Утром было ужасно холодно. Я продрог настолько, что был готов обмотать вокруг себя палатку. Пока я «стучал зубами», Талахая разводил костер, вещами из моего рюкзака он уже распоряжался как своими (поскольку я ему позволял это). Он вскипятил воды, в которой я с удовольствием растворил содержимое пакетика кофе «три в одном». Я медленно отхлебывал его, ожидая пока залитая кипятком овсянка приготовится. Обыденные вещи, которые сопровождают меня в повседневной жизни, порой казались мне необычайным чудом, когда я сталкивался с ними вне цивилизации. Одной из таких вещей было то самое кофе, вкусней которого я прежде не пил, хотя делал это сотни раз. Талахая тоже наслаждался этим дешевым, но в тот момент бесценным для нас напитком, но мысли его были о другом.

– Ты часто думаешь о смерти? – Спросил он, глядя на озеро.

Я, призадумавшись, ответил: «Бывает, что да, и по законам бусидо, утро, самое подходящее время для этих мыслей».

Талахая улыбнулся, и, повернувшись ко мне, спросил: «Ты что, исповедуешь бусидо?»

– Я исповедую свободу, или интеллектуальный аппетит, ну, или что-то в этом роде.

– Почему мы вообще встретились с тобой?

– Только не заводи шарманку о судьбе и прочей ерунде.

– Я и не собирался. – Продолжил он, отхлебнув кофе – Просто, вспомнил вот случай, когда после одной из спайсовых нарковписок я проходил мимо книжного магазина и вдруг внезапно начался дождь. Я зашел внутрь, чтобы не промокнуть...

– Дай-ка угадаю, – перебил я его – а внутри была твоя Мария?

– Да. – Покачал он головой – К счастью, там была она. Она была настолько прекрасной, что поначалу, я просто молча на нее смотрел. Она работала там продавцом-консультантом, и когда она ко мне подошла, я спросил у нее первое, что мне пришло в голову, я спросил у нее: есть ли у них книга о том, как бросить курить. Она уверенно вручила мне книгу, которая называлась как-то типа «Самый легкий в мире способ бросить курить», я точного названия не запомнил. Денег у меня не хватило, и она, доверившись мне, сказала, что я могу занести их позже. Вечером я занес ей деньги, которые, кстати, взял взаймы, а потом проводил ее до дома. Если бы не дождь, я бы просто прошел мимо этого магазина. И с тех пор я его обожаю.

– Неплохая случайность. – Добавил я.

– Пожалуй, самая лучшая в моей жизни. Я бы даже назвал это удачей.

– Книгу то прочитал?

– Да, я, кстати, лишь благодаря этой книге бросил курить. И с нее началось мое путешествие в мир литературы.

Мы с Талахая разделили порцию овсянки, и после завтрака начали собираться. Ближе к полудню уже потеплело и мои кости не стучали от холода, а теплые вещи я сложил в рюкзак. Маршрут, пройденный нами, оказался действительно удивительным, прежде мне не доводилось бывать в местах, кажущимися такими умиротворенными. Скалы, деревья и поля будто замерли в извечном ожидании, а птицы и животные скитались среди них, обхаживая свои владения.

Горная тропа привела нас к просторной долине. Мы поднялись на широкий выступ, откуда открывался живописный вид. Подойдя к краю, мы встретились взглядом с бурым медведем, вынюхивавшим что-то внизу. Хотя нас и разделал двухметровый обрыв, Талахая прошептал: «Похоже, пора сматываться». Я попытался его успокоить, прошептав в ответ: «Давай не будем делать резких движений, чтобы не привлекать его внимания». Но он меня так и не услышал, поскольку, когда я обернулся, то увидел лишь его спину, убегавшую в метрах пяти ста. Я оказался в замешательстве. Но когда медведь зарычал, глядя на меня, я без сомнений бросился убежать. И я не просто убегал, я рванул оттуда к хуям собачим. Я оставил рюкзак и бежал без оглядки. Прежде мои ноги не развивали настолько огромной скорости, мне казалось, будто я обогнал ветер. Как говорил один мой знакомый: «Мое очко настолько сузилось от страха, что булки засосало в прямую кишку». Убегая от медведя, мне довелось испытать нечто подобное. В детстве мне приходилось убегать от всяких «стражей порядка», когда мы с товарищами «брали взаймы» медные провода или бросали снежки в трамвай, но медведь превзошел все ужасы, от которых мне приходилось скрываться.

Совсем скоро я был истощен, и мне пришлось забежать в лес, дабы попытаться спрятаться. Я взобрался на верхушку дерева, вовсе не подумав о том, что медведь может последовать за мной. Немного отдышавшись, когда удары сердца уже не заглушали мои уши, неподалеку я услышал резкий звук, что-то вроде: «Чи чи». Это был Талахая. Как оказалось, он держался за верхушку одного из деревьев неподалеку от меня. Он не выглядел напуганным, наоборот, его веселила эта ситуация.

К счастью приступ астмы меня тогда не настиг. Но случилось кое-что другое. Обняв ствол на верхушке дерева, я вдруг почувствовал, как в моем животе отступил трехдневный запор. Увидев мою скорчившуюся гримасу, Талахая спросил: «Что с тобой? Ты что, обоссался?». Я тяжело вздохнув сказал, что еще нет, но похоже, что сейчас это случится. Тот покраснел от смеха, но сдерживался, чтобы не привлекать хищника.

– Ну что, мой юный друг – подкалывал он – тяжело тебе да? Ты не держи в себе, отпусти, и станет легче.

Давление возрастало. Со мной такое уже случалось. После стрессовых ситуаций (связанных с риском для жизни) мне иногда неистово хотелось «выпустить крота на волю». Но тогда, крот оказался слишком крупным и настойчивым. В общем, глядя на мои страдания, Талахая предложил мне облегчиться. Идея была вполне разумной, но спускаться было рискованно, и поэтому я решил справить нужду прямо с верхушки дерева. Уподобившись бомбардировщику времен второй мировой войны, я открыл бомболюк и принялся сбрасывать «бомбы» на шуршавшую снизу траву. Пожалуй, тогда я понял, что значит по-настоящему неудобная поза. Пока снаряды продолжали свистеть над поляной, я вдруг задумался и вслух задался вопросом: «А что если запах моих фекалий привлечет медведя?». Талахая помотал головой и сказал: «Поверь мне, даже на верхушки дерева, вонь твоего дерьма мне не кажется привлекательной. Если медведь его нюхнет, он, либо получит психологическую травму, либо умрет. Оглянись, эта местность уже непригодна для обитания. Ты всех зверей погубишь». Легче от его слов мне не стало, но жизнь казалась проще когда «семейство кротов» покидало мой живот.

Спустя пару часов мы осторожно спустились вниз. Я едва не вляпался в собственные экскременты и, услышав неподалеку шорох, замер. Не знаю, что это было, но звуки леса преследовали нас, держа в напряжении, Талахая даже взвизгнул, когда перед его ногами пронеслась

белка. Тогда мы не знали, куда нам идти, поскольку убегая от медведя, мы были озадачены спасением собственных жизней и не смогли запомнить дороги. К счастью, нам повстречалась прекрасная особа. Девушка словно искала нас и ждала, пока мы выйдем из леса. Издалека она махнула нам рукой и позвала к себе. Я поднес указательный палец к губам, пытаясь предупредить ее, чтобы она не шумела.

– А вы, однако, быстро бегаєте. – Сказала она, когда я к ней подошел. – Я видела, как вы убегали.

– Мы не просто убегали, – ответил я – мы спасались от медведя. Мы не хотели оказаться разорванными на куски.

– Ой, да ладно, нашли кого бояться. Это наш медведь. Я его выгуливала тут неподалеку.

– А чего он без поводка разгуливает? – возмутился Талахая.

– Он существо свободное, не обремененное всякими уздами. Ладно, пойдем, у нас тут лагерь неподалеку.

Юная особа повела нас за собой. Как оказалось, на просторной поляне был разбит не просто лагерь, а пристанище загадочного (таким он мне тогда показался), бродячего цирка. А вернее нескольких его «сотрудников». Там был двух с половиной метровый великан, гибкие акробаты и лилипут, которого все называли «Большой босс». Он встретил меня первым.

– Здравова бродяга – сказал он, протянув мне руку. Тогда он показался мне довольно дружелюбным. – Что ты забыл в этих краях, туристы сюда не ходят?

– Гуляю. – Ответил я – А вы что?

– А! – Махнул он рукой – У нас корпоратив. Присоединяйся, если хочешь. Только к медведю нашему не подходи, он боится незнакомцев.

Сидя вечером у костра я выслушал занимательную историю о том, как артисты того цирка решили выбраться на природу. Вернее Большой босс решил, он с гордостью поведал о том, как предложил своим «друзьям» выехать на природу и те без раздумий согласились. Но не все, другие предпочли остаться на берегу моря.

Позже выяснилось, что Большой босс волшебник, он непросто иллюзионист, а самый настоящий маг. На ехидный вопрос: «Хочешь, фокус покажу?», я согласился с некоторым скепсисом. До того момента я в магию не верил (и по сей день не верю), но то, что он мне продемонстрировал, показалось мне настоящим чародейством. Он встал рядом с прекрасной девушкой, которая встретила нас в лесу и воскликнул: «Вот, перед нами юная и великолепная особа, дамы и господа, сейчас вы станете свидетелями волшебства, до сих пор невиданного вами». Он обошел ее, и сзади залез под юбку. Немного там порыскав, изображая звуки каких-то ритуалов, он вылез и вновь завопил: «Встречайте! Волшебство!». Он задрал юбку, и предо мной предстало нечто, напоминающее хобот слона, своими размерами, разумеется. У этой прекрасной, пышногрудой особы, между ног бултыхались мужские гениталии (едва ли не до колен). Я раскрыл рот от удивления, но большой босс мне с усмешкой сказал: «Вы рот прикройте. А то мало ли, сколько волшебства вам в него залетит».

Оказалось, что они не простые цирковые артисты, «Не для всей семьи» так сказать. Они выступали для людей с пикантными предпочтениями. И не каждый мог себе позволить приобрести билет на их представление. В своем репертуаре они имели такие зарисовки как «копье Клеопатры», когда большой босс, пытаясь изнасиловать прекрасную даму, в итоге, убегал от ее эрегированного «хозяйства». Или «плач младенца», когда с особой жестокостью депилировали волосы на теле великана, а их на нем было довольно много, и росли они довольно быстро. Их брошюра, была богата не совсем стандартными цирковыми представлениями, но вот, что такое «медвежий фистинг» я даже спрашивать не стал.

Среди них был сутулый, низкорослый мужчина, которого Талахая назвал «Человек крот» (не вслух, разумеется). Его черные, густые брови, сведенные у носа и прищурый взгляд, видневшийся за круглыми очками, выдавали в нем некое хитроумие. Его особенностью была

способность быстро считать. Назвав ему два четырехзначных числа, можно было наблюдать, как он, сомкнув кончики пальцев, выдавал ответ, порой добавляя: «Таки выгодная сделка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.